

ихъ приципы, т. е. твоего стремлени¤ къ личному призрачному благу. Наконецъ, придетъ смерть и положить конецъ всей твоей ужасной иллюзии. Ты уничтожишься вмѣстѣ съ тѣломъ, къ которому ты привязана, и въ минуты предсмертныхъ страданій поймешь, что вся твоя жизнь была зломъ и суетой. Слѣдовательно, не надо любить свою животную личность и служить благу ея животнаго существованія. Эта преходящая, призрачная часть человѣческаго существа не стоять любви, ибо жизнь ея есть медленное умирание, и всякий трудъ на ея пользу есть трудъ на пользу страданій и смерти¹³⁾). Поэтому первый долгъ всякаго человѣка, при свѣтѣ разумнаго сознанія познавшаго всю ложь жизни для блага животной личности, есть безповоротное отреченіе отъ блага животной личности, есть полное самоотверженіе.

Теперь понятно, почему Л. Толстой не принимаетъ второй половины евангельской формулы любви «какъ самого себя». Этотъ «самъ» есть для него именно животная личность, а она, какъ мы видѣли, не стоять никакой любви, въ противоположность истинному христіанству, которое признаетъ любовь къ своей богоподобной личности.

Итакъ животная личность, внявъ голосу разумнаго сознанія, свободно отрекается отъ служенія своему благу и подчиняется руководству разума. Разумное сознаніе не ограничивается тѣмъ, что налагаетъ на человѣка отрицательную задачу — отречься отъ своей преходящей животной личности и ея благъ. Оно научаетъ его положительному закону истинной жизни, которая не умираетъ¹⁴⁾). Разумное сознаніе продолжаетъ свою рѣчь. Та жизнь, которою ты до сихъ порь жилъ, не есть истинная жизнь, ибо это была жизнь животной личности; это была даже не жизнь, а просто существованіе, которое началось для того, чтобы прекратиться¹⁵⁾). Но ты хочешь жить, и это хотѣніе въ тебѣ показываетъ, что есть иная жизнь, которою ты долженъ жить. Ты боишься смерти, ты не хочешь ея, и это показываетъ, что не въ умирающей животной личности со-

¹³⁾ 13 т. стр. 45, 51 и др.

¹⁴⁾ Ibid. стр. 13 и др.

¹⁵⁾ Über Leben, S. 108 и др.